

АЛЕКСЕЙ ВИНОКУРОВ

Китай. Заметки наблюдателя

[275]

ИЛ 1/2019

Конфуций, конечно, один из главных китайских брендов, за это высокое звание он борется с Мао Цзэдуном и Брюсом Ли. При этом широкие китайские массы об “учителе десяти тысяч поколений” имеют довольно слабое представление — примерно, как наши о Пушкине.

Спроси русского человека, что такое Пушкин, скажет: наше все. А что именно — все? То ли писатель, то ли камер-юнкер, то ли в туалете свет выключает. Представляю себе китайский вариант нашей любви к национальному гению: “А свет за тебя в туалете кто будет выключать — Конфуций?”

Наши же, русские люди, с Конфуцием ведут себя примерно так же, как китайцы, то есть приписывают ему невесть что. Надеются, что за руку никто не схватит, учитель Кун же говорил по-китайски, кто там его разберет. Правда, не учитывают, что весь конфуцианский канон уже давно переведен на русский язык...

Поэтому, если кто-то вам преподнесет очередную “мудрость от Конфуция”, не верьте на слово: пусть скажет по-китайски, а лучше — напишет иероглифами.

В Китае живет множество национальностей, так называемых шаошу миньцзу. Некоторые из них совершенно не похожи на китайцев. Например, в провинции Гуйчжоу мы с женой видели племя местных пигмеев — каштановые волосы, круглые глаза, носы картошкой, окладистые бороды.

Я хотел было сделать антропологическое открытие, предположив, что это наши русские старожилы, измельчав, затерялись на китайских просторах. Но жена подняла меня на смех, и открытие так и не состоялось.

Зато в другой китайской провинции мы, кажется, обнаружили одно из потерянных колен израилевых. Одежда, прически, манеры, традиции — все было один к одному. Они даже, кажется, свинины не ели, что для китайца дикость: если не есть свинину, то что вообще есть? Единственное, что их отличало от наших знакомых евреев, — это язык и разрез глаз.

В Китае во многих местах летом очень жарко, поэтому китайцы обожают кондиционеры. В каждом уважающем себя доме стоит огромный напольный кондиционер, ростом намного выше среднего китайца. Летом агрегат этот работает на охлаждение, зимой — на обогрев: у китайцев до сих

пор почти нигде не бывает центрального отопления.

У нас с кондиционером была связана одна неожиданная история.

Ни для кого не секрет, что служба безопасности в Китае по масштабам превосходит любую другую, а с приходом к власти Си Цзиньпина позиции спецслужб еще усилились. Поэтому никого не удивляет, что некоторые гостиничные номера — в частности, для иностранцев — оборудованы подслушивающими устройствами. Если вы не шпион, вас, в общем, это никак не беспокоит, вы даже знать об этом не будете.

Но иногда и тут случаются проколы.

Как-то раз мы с женой вселились в одну сетевую гостиницу. Только устроились, разобрали вещи, как телефон начал противно пиликать — примерно раз в полминуты. Я брал трубку, говорил: “вэй, вэй!”, но ответом мне была тишина. Очевидно, подслушивающее устройство, связанное с телефоном, сломалось и подавало сигналы бедствия. Вот только подавало не службе безопасности, а непосредственно нам.

Жить под непрерывное пиликание было невозможно. И я выдернул вилку из розетки. Телефон тут же замолчал.

Буквально через минуту в дверь постучали. Я сунул шнур телефона в розетку и открыл дверь. На пороге стоял работник службы безопасности, одетый монтером.

— Что вам угодно? — спросил я его.

— Нужно починить ваш кондиционер, — заявил монтер.

— Там все в порядке, он работает.

Но монтер настаивал.

Я пожал плечами и впустил его. Монтер забрался на стул, открыл кондиционер, а сам украдкой с большим подозрением косился на телефон. Повозившись с минуту, он ушел.

Я снова выдернул телефон из розетки. Через полминуты в дверь постучал тот же монтер. Я вставил шнур обратно и открыл дверь.

— Что вам? — спросил я “монтера”.

— Починить кондиционер.

— Только что чинили.

— Не до конца. Надо еще.

Я пожал плечами и впустил его. История с “починкой” и поглядыванием на телефон повторилась. По идее “монтеру” требовалось бы осмотреть телефон, но, видно, служебная инструкция запрещала такое откровенное поведение — мало ли, клиент догадается.

Когда он вышел, я решительным шагом направился к телефону — выключать. Но тут уже вмешалась жена.

— Я тебя прошу, — сказала она, — хватит издеваться над человеком.

— Но ведь он же пиликает, — возмутился я. — Если они профессионалы, то должны следить за техническим состоянием оборудования. Мне неприятно, что меня пасут дилетанты.

Но жена настаивала:

— А вдруг ты им сломаешь аппаратуру?

— Думаешь, при выезде заставят платить? По какой статье? Варварское обращение со шпионским устройством?

— Пойдем-ка лучше, погуляем, — сказала жена. — А когда вернемся, они наверняка уже все починят.

Так мы и сделали.

Если верить газете “Жэньминь жибао”, жизнь в Гонконге очень недешевая. “Дорого обходится содержание собак, не говоря уже о покупке машины и содержании ребенка”, — заявляет газета.

Темпоро мутантур, однако. Серьезный житель Гонконга ныне — это собака, машина и лишь в последнюю очередь ребенок.

Хотя жители континентального Китая детей до сих пор очень любят — по преимуществу мальчиков, конечно, — и многое им позволяют.

Вот десятилетнему мальчику, едущему с родителями в троллейбусе, захотелось в туалет. Он снял штаны и сделал свои маленькие дела прямо тут, не дожидаясь остановки. Родители при этом поощрительно хихикали, после чего счастливое семейство вышло на ближайшей остановке.

Нередко можно видеть, как бабушка или мама тащат на закорках великовозрастного дитя, при этом ноги его волочатся по земле, потому что он уже перерос родственников. Но ведь ребенок плотно “покушал” и устал, неужели заставлять его идти своими ногами?

Не чужды китайские дети и веселым экспериментам над посторонними. Одно из частых развлечений — поднять с пола бумажку, скатать ее в шарик и бросить иностранцу точно в тарелку. Если на полу бумажки не оказалось, сойдет и обычная салфетка. Родители при этом раздражаются довольным смехом: какой умный мальчик, наверняка будет секретарем райкома!

Однако жизнь китайских детей далеко не всегда была безоблачной.

Журналист и исследователь В. В. Корсаков в своей книге “В старом Пекине” пишет о разных китайских суевериях и предрассудках на рубеже XIX-XX веков. Был, например, ужасный обычай избавления детей от злого духа. Считалось, что, если маленький ребенок много кричит, это происходит оттого, что им овладел злой дух. Изгоняли духа простым и диким методом — бросали со всего маху ребенка на пол. Если ребенок переставал после этого кричать, значит, дух изгнан. Если малыш умирал, значит, с духом справиться не удалось...

Впрочем, в китайской провинции и до сих пор ребенок негласно считается собственностью родителей, жизнь его полностью в их руках. Что, правда, противоречит уголовному кодексу КНР, но традиции иной раз оказываются сильнее любого закона.

Пару лет назад в моду в Пекине вдруг вошли рогатки — обычные, для стрельбы. Они продавались на каждом углу и пользовались у взрослых китайцев большой популярностью. Предназначались рогатки для защиты драгоценной китайской жизни от диких зверей вроде собак, котов и сбежавших из ресторана крабов. На деле же, конечно, это было чистое хулиганство. По телевизору обиженные пекинцы охотно демонстрировали синяки и кровоподтеки на ляжках и ягодицах, возник-

шие от выстрелов скучающих компатриотов.

Я сразу вспомнил, что китайцы, а точнее, прославленные шаолиньские монахи изобрели в свое время небывалое оружие — лук, стреляющий пулями. Просвещенные монахи-воины, они же усэны, тяжёлый вред, наносимый западным оружием, приписывали не скорости, с которой пуля вылетает из ствола, а ее собственным убойным средствам. Они полагали, что неважно из чего стрелять, главное — чем.

Позже, конечно, монахи убедились в ошибочности своих теорий, но диковинное оружие все равно оставили: если выстрелить с близкого расстояния в глаз, выйдет почти смертельно.

* * *

Китайские хроники доносят до нас, что при династии Тан куры, свиньи и другие домашние животные не сидели целыми днями во дворе, а лазали по горам и кормились подножным кормом. Ближе к вечеру, тоже самостоятельно, они возвращались домой, под крышу. Вероятно, чтобы хозяева имели возможность сделать из них суп,

лапшу или другие традиционные китайские блюда.

Однако за прошедшие тысячу лет нравы не слишком изменились. Как-то мы с женой забирались на знаменитую гору Тайшань. (По преданию, кто заберется на Тайшань, тот проживет сто лет и больше. Вот мы и полезли — очень хотелось прожить сто лет.) На дороге нам несколько раз встречались местные куры, карабкавшиеся по лесистым склонам. Я, разумеется, попытался поймать их голыми руками, но куры показали необыкновенную резвость и в руки не дались.

* * *

Вообще, Китай до сих пор являет собой тайну, непонятную не только иностранцам, но и большинству китайцев.

Сложнейший язык, старинные традиции вперемешку с новейшими технологиями, невидимые профану запутанные связи между людьми, депрессия и подъем в рамках одной экономики и многое в том же роде — все это делает Китай не другой цивилизацией даже, но другой планетой. Которую, однако, приходится осваивать остальному миру.